

УДК 321

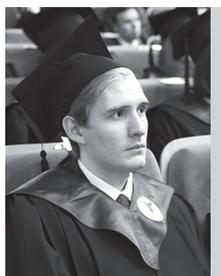
DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.5771

СОВРЕМЕННАЯ УКРАИНА: ОЦЕНКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (1991–2016)

Пономарева Елена Георгиевна,

МГИМО МИД России,
профессор кафедры сравнительной политологии,
доктор политических наук, профессор,
Россия, Москва,
E-mail: politology@mgimo.ru

Зарытов Павел Игоревич,

МГИМО МИД России,
аспирант кафедры сравнительной политологии,
магистр политологии,
Россия, Москва,
E-mail: zarytov.pavel@mail.ru

Аннотация

Государственная состоятельность – базовая характеристика внутренней природы конкретного социума, определяющая место страны в мировой «табели о рангах». Уровень состоятельности зависит от комплекса социально-экономических, демографических, этнокультурных, управленческих и военно-политических факторов, являющихся главными ее индикаторами. В данной статье, посвященной анализу и оценке государственной состоятельности современной Украины, фокус сделан на статистических (вторичных) данных. В то же время интерпретация полученной информации дается на основе традиционного анализа документов и источников. Особое внимание уделено изучению этнополитических и этнокультурных расколов; отношений украинской власти и бизнеса; процесса институционализации формальных и неформальных практик; характеру украинского правящего класса, в том числе его взаимодействию с внешними игроками, а также возможностей и перспектив консолидации общества и преодоления кризиса.

Ключевые понятия:

современная Украина, государственная состоятельность, индикаторы состоятельности, украинский кризис, государственное строительство.

В докладе Российской ассоциации политической науки (РАПН) «Председательство Латвии в ЕС-2015» была предельно четко зафиксирована оценка событий на Украине 2013–2014 гг., спровоцировавших «крупнейший на евразийском пространстве геополитический кризис с начала нового столетия, который привел к не только коллапсу украинскую экономику и государственную систему, но и определил территориальный распад страны» [5, с. 3]. К настоящему моменту историография украинского кризиса, начиная от анализа технологий государственного переворота в Киеве и заканчивая причинами военно-политического конфликта на Востоке страны, весьма обширна. Ситуация на Украине по степени влияния на мировую экономику и международную ситуацию давно переросла балканский кризис 1990-х годов, сформировав настоятельную потребность в создании академической исследовательской площадки аналогичной Центру по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН. Однако, несмотря на огромную работу, проделанную отечественными и зарубежными учеными, некоторые факторы, повлиявшие на формирование и эволюцию украинского казуса, оказались либо за рамками научного анализа, либо не в полной мере изученными. Восполнить существующие пробелы призвано исследование влияния динамики демографических, социально-экономических, политических, военных и макроэкономических показателей на уровень состоятельности украинского государства. С нашей точки зрения именно уровень состоятельности государства есть социально-политический «ключ», способный как наглухо закрыть, так и открыть «ящик Пандоры» конфликтов и кризисов. В целях максимальной объективности хронологический период охватывает четверть века – с 1991 по 2016 гг.

Государственная состоятельность: методологические уточнения

Государственность – особый признак, состояние развития определенного общественного образования (нации, народа), сумевшего создать собственное государство, национальную правовую систему или восстановить эти институты, утраченные в силу различных причин. Государственность – это свойство, качество, состояние общества на конкретном историческом этапе его развития. Иными словами, государственность есть сущность, качество государства. Государство же – проявление, форма, «скорлупа» государственности. Таким образом, государственность есть не что иное, как качественная сторона государства, которая наполняет государство как политический институт жизнью, организует не только всю человеческую, но даже отчасти географическую и биологическую среды конкретного социума на «известной ступени развития» [21, с. 362].

Понятие «государственность» шире и глубже, чем понятие «государство». Когда мы говорим, что у какого-то народа есть государственность, это означает, что этот народ имеет или может иметь свое государство. Государственность опре-

деляет весь строй общественной жизни, политический порядок, состоятельность государства. В свою очередь государство как институт должно соответствовать государственности того или иного народа. Для того чтобы стать состоявшимся государством, а не «кучей геополитической щебенки» [20, с. 25], в обществе должна вырваться идея государственности.

Максимально полное раскрытие понятия «государственность» представляется возможным через наложение таких характеристик, как статусность и состоятельность. Впервые на это обратил внимание еще в конце 1960-х годов американский исследователь Дж. П. Неттл. Под состоятельностью ученый предлагал понимать «соответствие своей собственной природе государства-состояния», которое характеризует внутреннее развитие социума. В свою очередь статусность характеризует «принадлежность к сообществу государств-состояний» [27, с. 563], т. е. позволяет определить место и роль этого государства в мировой системе.

С конца XX в., когда государства на политической карте мира стали расти, как грибы, статусность практически перестала зависеть от внутренней природы государства, а ее обретение стало, прежде всего, геополитическим инструментом и политической технологией. Достаточно назвать самые известные примеры частично признанных – Абхазия, Косово, Южная Осетия – и непризнанных – Нагорный Карабах, Приднестровье – государств, чтобы в очередной раз убедиться, что их судьба зависит не от «своей собственной природы» – состоятельности, но от интересов ведущих игроков мировой политики.

Однако большее значение состоятельность имеет для признанных международным сообществом стран, и прежде всего для членов ООН, поскольку формирует социально-политическую среду значимости решений этой наднациональной структуры. Дело в том, что состоятельность зависит не только от исторического развития нации, но от комплекса социально-экономических, демографических, этнокультурных, управленческих и военно-политических факторов, являющихся главными ее индикаторами. Поэтому ответ на вопрос: «Состоятельна ли современная Украина?» предполагает изучение названных индикаторов. В данной статье фокус сделан на статистических (вторичных) данных. В то же время интерпретация полученной информации дается на основе традиционного анализа документов и источников. Основным ограничением для проведения данного исследования является объем статистических данных, находящихся в свободном доступе. Во-первых, не все актуальные данные доступны, поэтому хронологические рамки ограничены 2016 годом. Во-вторых, это ограничители методологии сбора данных и их интерпретации.

Демографический и этнолингвистический индикаторы состоятельности

В историко-политическом смысле Г. Гейне был прав – «народы вечны: смертны лишь короли» [7, с. 125]. Основу любого государства составляют народы, нации: без них нет и не может быть государства. В то же время не столько количество населения, сколько качество «человеческого материала» [2, с. 168] определяет уровень государственной состоятельности, поскольку демографический индикатор непосредственным образом связан с экономическими, политическими, культурными и иными определяющими жизнеспособность страны факторами.

Согласно данным Государственной службы статистики Украины (Госстат) с 1991 по 2016 г. численность украинского населения уменьшилась на 10 млн. человек [32]. Цифра убийственная – это чуть меньше численности населения современных Греции, Португалии, Швеции и немного превышает демографические показатели Беларуси и Чехии. Причем, это официальные данные, реальность всегда намного страшнее.

Общемировая практика доказывает, что изменение демографического индикатора напрямую коррелирует с качеством выполняемых государством функций. Иными словами, государство, не способное обеспечить стабильное функционирование политической и экономической систем, а также безопасность граждан, сталкивается с проблемой стремительного сокращения населения, которое зависит от трех главных показателей – это смертность, снижение рождаемости и эмиграция. Отрицательная динамика прироста населения негативно сказывается на жизнеспособности государства, которое лишается важнейшего капитала – человеческого. Ситуация, сложившаяся на Украине, есть свидетельство неспособности руководства страны, в отличие от таких постсоветских республик, как Беларусь, Казахстан, Россия, Узбекистан, создать условия для выхода из демографического кризиса 1990-х годов. Одной из главных причин такого положения вещей специалисты называют низкую эффективность, а в целом ряде случаев – полное отсутствие социальных программ [8, с. 55–65].

Массовый отток в 1990-ые годы высококвалифицированных кадров, преимущественно на Западе в Россию, серьезно ударил по демографическим показателям, что естественным образом отразилось на экономическом развитии. Негативными последствиями демографического кризиса для Украины являются старение населения и, как следствие, убыль рабочей силы [38], что, в свою очередь, ведет к сокращению пенсий, пособий, свертыванию социальных программ. Предложения по привлечению специалистов из других стран остаются крайне дискуссионными и на данный момент экономически нереализуемыми. Осложняет демографическую ситуацию утрированно гетерогенный характер украинского общества, резкое усиление после событий 2014 г. этнокультурных противоречий и «социальных размежеваний» [13, с. 210], что порождает серьезные проблемы, способные в любой момент и на любом уровне (область, город, село) стать конфликтогенами нового раскола.

Явные линии этнокультурных и лингвистических размежеваний, обозначившиеся на момент провозглашения независимости Украины, не только не были сглажены в процессе становления независимой политики, но к началу XXI в. серьезным образом актуализировались. Перепись 2001 г. со «стеклянной ясностью» (вспомним В. Набокова) выявила раскол украинского государства на два больших, в значительной степени консолидированных этнокультурных сегмента.

Первый кластер – восточно-украинский. В него входят Донецкая, Харьковская, Луганская, Запорожская и Одесская области. До 2014 г. к нему относились Автономная Республика Крым и г. Севастополь. Херсонская и Днепропетровская области к данному кластеру не относятся (таблица 1).

Второй кластер – западно-украинский – включает Львовскую, Ивано-Франковскую и Тернопольскую области (историческая область Галиция) и Волынскую область (историческая область Волынь).

Таблица 1 – Этнолингвистическая ситуация на Украине [4]

Регион	Русские	Украинцы	Русский язык	Украинский язык	Всего жителей
АР Крым	1180441	492227	1549422	202761	2024056
Донецкая обл.	1844399	2744149	3615461	1163085	4825563
Луганская обл.	991825	1472376	1748589	762402	2540191
Харьковская обл.	742025	2048699	1282659	1557980	2895813
Одесская обл.	508537	1542341	1030090	1136571	2455666
Запорожская обл.	476748	1364095	928616	967328	1364095
г. Севастополь	269953	84420	341538	25489	377153
Херсонская обл.	165211	961584	291483	858336	1172689
Днепропетровская обл.	627531	2825781	1136537	2386087	3561224
Волынская обл.	25132	1024955	26499	1028271	1057214
Львовская обл.	92565	2471033	98286	2484094	2605956
Ивано-Франковская обл.	24925	1371242	24984	1375275	1406129
Тернопольская обл.	14194	1113516	13562	1119574	1138500

Этнолингвистический раскол усугубляется этноконфессиональным. По экспертным и опросным данным от 40% до 60% религиозных общин на юго-востоке Украины относятся к Украинской православной церкви Московского патриархата. Во Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской областях доминирует Украинская греко-католическая церковь [9, с. 233].

Таким образом, на Украине существует два этнокультурных кластера, располагающихся рядом с государственной границей страны и имеющих в целом гомогенное и консолидированное население. Согласно эмпирическому опыту и концептуальным наработкам [23; 24; 25; 26], состоятельность и эффективность государства проявляется, в частности, в его способности сглаживать потенциальные конфликты между существующими сегментами и в готовности предоставлять им определенный уровень автономии. Применительно к Украине подобная практика могла бы стать способом предотвращения этнополитического и этнотерриториального конфликта.

Наличие консолидированных этнокультурных сегментов не является априори негативным фактором воздействия на государственную состоятельность. Широко известны примеры не просто мирного, но взаимобогащающего развития сегментов, включенных в общую политическую рамку. Показателен опыт Индии, Маврикия, России, Сингапура, Швейцарии. Сглаживание этнокультурных и социальных расколов достигается посредством политических технологий и/или социально-культурных и экономических методов. К конфликту, подрывающему состоятельность страны, приводит либо бездействие, либо отсутствие после-

довательной политики по преодолению разногласий между сегментами, либо действия, которые приводят к столкновению интересов или в высшей степени противоречат статус-кво. Более того, верховная власть, провоцирующая усиление раскола, выбирая сторону одного сегмента, перестает быть представителем всего народа и фактически утрачивает право на сохранение прерогативы принципа территориальной целостности над принципом самоопределения народов.

На это важное положение одним из первых обратил внимание А. Бьюкенен. В 1991 г., как раз в момент крушения двух «империй» – СССР и СФРЮ – им было обосновано право на сепессию. Сразу следует оговориться, что острое бьюкененовского подхода, оправдывающего сепессию, было направлено против крупных состоятельных государств, каковыми являлись Советский Союз и социалистическая Югославия. Однако при анализе выбранного казуса его позиция работает на защиту интересов всех сегментов украинского общества, в ряду которых не только этнические русские и русскоговорящие, но венгры, русины, поляки, чехи.

Итак, Бьюкенен писал: «Если государство настойчиво продолжает совершать серьезную несправедливость по отношению к отдельной группе и формирование группой собственной независимой политической единицы выступает последним возможным средством защиты, то международное сообщество должно признать ее право отказаться быть под властью государства и попытаться создать свою собственную независимую политическую единицу» [22, с. 335]. Конечно, причины сепессии различны и далеко не всегда они лежат в «несправедливом отношении» к сегменту. Например, огромные преференции и дотации, которые получал автономный край Сербии Косово и Метохия, не смогли в силу психоисторических причин сдержать рост агрессивного национализма в регионе, который в свою очередь был поддержан международным сообществом, и на штыках НАТО было создано новообразование «Республика Косово» [16, с. 108–109].

Однако вернемся к ситуации на Украине. Текущий конфликт был предопределен, по меньшей мере, тремя факторами. Во-первых, это разрушение СССР, которое готовилось и осуществлялась во всех союзных республиках руками националистических структур. На Украине крайне бурная активизация организаций националистического толка была определена как историческим бэкграундом, так и сохранившимся бандеровским подпольем в республике и мощной диаспорой в Австралии, Канаде, странах Латинской Америки. Главная цель крайне правых и радикальных националистов – создание «суверенной соборной украинской державы» и установление «нового порядка в Европе и мире» [1], институционально оформленная в 1941 г. в «Акте возрождения украинского государства», за последнюю четверть века эволюционировала от идеи маргинальных групп до официальной доктрины русофобствующего режима.

Во-вторых, украинский правящий класс с момента провозглашения «независимости» не занимался вопросами государственного строительства, в ряду которых стояла разработка мер по сглаживанию этнокультурных/социальных размежеваний и конфликтных ситуаций в отношениях между западными и восточными регионами страны. Основной задачей украинской власти и околоставных групп была аккумуляция и приватизация экономических ресурсов, что в конечном итоге привело к формированию клановой системы в богатых регионах страны, прежде всего, в Донецкой, Днепропетровской и Одесской областях.

Непонимание проблемы расколов и сегментированной [19, с. 106] природы украинского общества, а возможно ее сознательное обострение, определило закрепление в Конституции 1996 г. (Ст. 2) принципиального подхода национал-демократов – унитарной формы государственного устройства, что стало одним из факторов современного кризиса [12].

В-третьих, триггером обострения конфликтной ситуации стала отмена в феврале 2014 г. Верховной Радой Закона о региональных языках, согласно которому русский язык имел статус регионального языка в 13 из 27 административно-территориальных единиц [10]. Начавшийся в апреле 2014 г. вооруженный конфликт на территории Донецкой и Луганской областей, приведший к многочисленным жертвам и массовому оттоку населения [15], запределному уровню турбулентности политической системы и институционализации новых государственных образований – ДНР и ЛНР, коллапсу экономики страны, окончательно похоронил возможность заново сшить «лоскутное одеяло» украинского государства, которое формировалось за счет включения разных территорий и народов в административные границы Советской Украины [17, с. 294]. Спровоцированный центральной властью открытый конфликт на юго-востоке страны окончательно подорвал государственную состоятельность Украины.

Экономический индикатор оценки государственной состоятельности

Этнополитический конфликт, вылившийся в военное противостояние государствообразующих сегментов, значительно снизил уровень внутренней безопасности и ударил по экономике. Корреляция экономической ситуации на Украине с конфликтом на Донбассе и событиями на Майдане хорошо прослеживается на графике, отображающем экономический рост через изменение динамики ВВП, измеряемого в долларах США [36] (рисунок 1).

ВНД на душу населения с 1989 по 2000 гг. снизился с 1620 до 700 долл. США [37], затем рос все нулевые годы (за исключением мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.), достигнув в 2013 г. отметки 3800 долл. США. После государственного переворота 2014 г. этот показатель начал падать и в 2016 г. составлял 2310 долл. США.

Экономический спад, сопоставимый с кризисом 2008–2009 гг., объясняется сокращением прямых иностранных инвестиций [29] из-за неблагоприятной политической и экономической конъюнктуры, резким ухудшением торгового баланса с основными партнерами – ЕС и РФ [30], военными действиями на территории Донецкой области – важного для украинской экономики региона [31], перманентно высокой коррупционной составляющей [34], уходом некоторых крупных предприятий с украинского рынка, низким технологическим развитием экономических мощностей [33].

Проблемы, приведшие к рецессии 2013–2015 гг., по-прежнему остаются неразрешенными. Взаимодействие в формате Минских соглашений не является определяющим для руководства республики. Украинские власти продолжают воспринимать Россию в качестве «чужого», пренебрегая собственными экономическими интересами и надеясь на финансовую помощь (кредиты и займы) ЕС, США и МВФ, которая на практике не только не позволяет укрепить государство, но ведет к его постепенному разрушению. «Финансы – важнейший способ

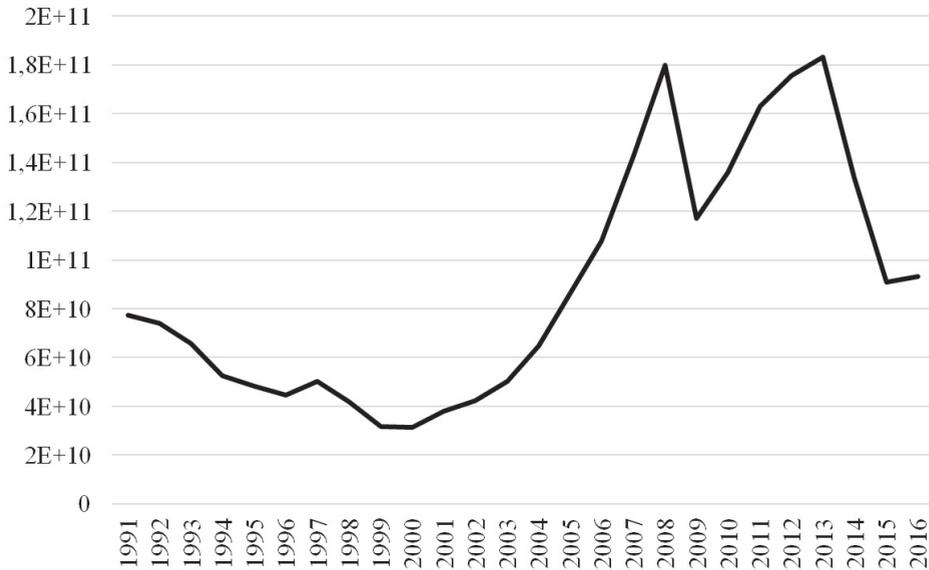

Рисунок 1 – Изменение динамики ВВП с 1991 по 2016 гг. (по текущему курсу долл. США)

управления и подчинения; реализации интересов и достижения целей. Опасность этого инструмента возрастает в разы, когда кредитуются государства» [18, с. 10]. Не случайно К. Маркс назвал государственный долг «отчуждением государства» [14, с. 764].

Очевидно, что украинские политики не читали ни «Капитал» К. Маркса, ни «Капитал в XXI веке» Т. Пиккети. Они не имеют реальной картины мира и не могут мыслить стратегически. В краткосрочном же периоде «новая приватизация» [3], усиливающееся ограбление населения (повышение тарифов и налогов на фоне сокращения пенсий и пособий), и кредиты позволяют временно стабилизировать экономическую ситуацию. Корреляция между объемами трансшей и экономическим ростом свидетельствует о высокой степени зависимости Украины от иностранных кредитов [11, с. 36–37]. Данное обстоятельство подрывает независимость финансовой и экономической системы, ведет к сокращению государственных расходов и сворачиванию социальных программ, девальвации валюты. К этому следует добавить увеличение инфляции – до 38% [35], рост безработицы и сокращение оплаты труда [28]. Все это вместе формирует политическую зависимость реципиента от кредитора: происходит «сжимание» суверенитета, что, безусловно, негативно сказывается на состоятельности государства.

Стремительное ухудшение экономического положения страны, длившиеся около трех лет, и несколько стабилизовавшееся в 2016 г. является, прежде всего, следствием политических решений, принимаемых как внутренними, так и внешними игроками. Примерами действий внешних игроков, оказавших

влияние на состоятельность Украины, являются: «игра с нулевой суммой» под названием «Программа «Восточное партнерство», начатая ЕС еще в 2009 г. [6, с. 21]; ошибки российской власти при взаимодействии с украинским правящим классом, а также экономическими игроками, начиная с 1991 г.; активная деятельность западных НКО, продвигающих деструктивные ценности и интересы. Данные действия незамедлительно оказали негативное воздействие на экономику, а затем, усиливая друг друга и порождая новые проблемы, привели к военному конфликту, дальнейшей активизации радикальных политических групп, к переделу собственности.

Стоит отметить, что для Украины некоторые из вышеперечисленных проблем не являются уникальными. Экономика страны переживала рецессию в 90-х годах XX в. и после мирового финансового кризиса. Инфляция в 1993 г. достигла значимых высот – 3,334,801% [35], а политический кризис и забастовки шахтеров 1993 г. привели к досрочным президентским выборам 1994 г., принесшим победу, правда во втором туре, «национальному» политику, имевшему поддержку в среде прозападно ориентированных кругов – Л. Кучме. «Оранжевая революция» 2004–2005 гг. стала еще одним следствием продолжавшегося экономического кризиса.

Таким образом, постсоветская Украина с момента провозглашения независимости испытывала перманентные кризисы. Серьезным отличием современного украинского кризиса является не только коллапс экономики, но утрата контроля над частью территории и национального суверенитета по факту доминирования во внутренней и внешней политике интересов наднациональных (ЕС, НАТО, МФВ) и транснациональных структур, в том числе международного криминала. В результате степень государственной состоятельности не только существенно снизилась, но стремится к нулю.

Состоятельна ли современная Украина?

Главным фактором, влияющим на степень состоятельности современной Украины, является военно-политический конфликт на Донбассе. К негативным последствиям конфликта, формирующим ситуацию десостоятельности страны, относятся многочисленные жертвы и потери с обеих сторон; значительный отток населения в соседние области и страны; разрушение инфраструктуры регионов, попавших в зону боевых действий; возникновение неподконтрольных Киеву батальонов (фактически, бандформирований) в зоне т. н. АТО, активность которых может в любой момент быть направлена на центральную власть; формирование крупных нелегальных рынков оружия и расширение коридоров наркотрафика; разрушение экономических связей с Россией и отчасти с Белоруссией.

Возможности для разрешения конфликта серьезно ограничены. В настоящий момент не существует четких интенций со стороны украинской власти. Если руководство ДНР и ЛНР ориентируется на Вторые Минские соглашения, то официальный Киев, опираясь на внешних кураторов – ЕС и США, считающих конфликт на юго-востоке международным и обвиняющих в его «замораживании» Россию, не рассматривает данные договоренности в качестве «дорожной карты».

Патовая ситуация в процессе преодоления и урегулирования конфликта формирует новую «нормальность» – сохранение статус-кво, когда конфликт характеризуется невысокой степенью интенсивности. Однако строить государство

и развивать государственность в таких условиях не представляется возможным. Раскол между фактическим и метафизическим украинским Западом и Востоком достаточно прочно укоренился в политическом дискурсе и социальной практике. Для силового решения «восточного вопроса» у украинских властей недостаточно ни политических, ни экономических, ни военных ресурсов, поэтому они являются добровольными заложниками Вашингтона и Брюсселя. В условиях новой «нормальности» государственное строительство предается забвению – украинский политический класс, не жалея живота своего, продолжает приватизацию государства, борется за сохранение власти и капитала. Сложившаяся неофеодальная модель управления при фасадной многопартийности со значительной долей вероятности в ближайшее время приведет к очередной неинституциональной смене власти, возможно, при посредничестве все тех же внешних игроков.

Проведенный анализ развития современной Украины выявил крайне проблемное содержание всех базовых индикаторов государственной состоятельности. Постмайданная Украина стала триггером крупнейшей на евразийском пространстве с начала нового столетия геополитической турбуленции, которая не только изменила степень государственной состоятельности страны, но стала дестабилизирующим фактором европейской и мировой политики [17, с. 294].

Масштабный кризис вызревал все годы независимости и в определяющей степени стал следствием безответственной политики украинского руководства, которое в течение всех лет независимости вело страну к политическому и социально-экономическому банкротству. Обладая в 1991 г. второй по значимости на постсоветском пространстве экономикой, уникальными природно-географическими ресурсами, мощнейшей военно-технической базой, развитой инфраструктурой и высококвалифицированным человеческим капиталом, Украина имела все шансы стать примером успешного и эффективного государства. Однако мелочность и корыстолюбие украинских политиков, для которых стремление к личному обогащению стало неодолимой силой, превратило богатую страну в европейскую нищенку, лишило ее элементарных основ государственной состоятельности. В итоге ответ на вопрос «Состоятельна ли современная Украина?» очевиден: нет. Тем не менее, выход их сложившейся ситуации есть. Возрождение страны и вторичное обретение государственной состоятельности возможно лишь через консолидацию и активизацию всех здоровых сил украинского общества.

1. Акт проголошення Української держави // Самостійна Україна. Станіславів. 10 липня 1941.

2. Бухарин Н. Экономика переходного периода // Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989. С. 94–176.

3. В 2018 році ProZorro. Продажі планує продати на 2 млрд. активів “Укрзалізниця” і на 10 млрд. – банківських активів. 2018. URL: <http://www.me.gov.ua/News/Detail?lang=uk-UA&id=ba91ae61-0bbf-4254-acbb-e87d8d8a1e8f&title=V2018-RotsiProzorro-prodazhiPlanuProdatiNa2-MlrdAktivivukrzaliznitsiINa10-MlrdBankivskikhAktiviv> (дата обращения: 30.06.2018).

4. Всеукраинская перепись населения 2001 г. Распределение населения по национальности и родному языку. 2001. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/>

results/nationality_population/nationality_popul1/ (дата обращения: 30.06.2018).

5. Гаман-Голутвина О.В., Пономарева Е.Г., Шишелина Л.Н. Председательство Латвии в ЕС-2015: «Восточное партнерство» вместо или вместе с Россией // Аналитический доклад. М.: РАПН, 2014. 92 с.

6. Гаман-Голутвина О.В., Пономарева Е.Г., Шишелина Л.Н. «Восточное партнерство»: борьба сценариев развития // Полис. 2014. № 5. С. 20–40.

7. Гейне Г. Собр. соч. в 6 т. Т. 4: Проза 30-х годов. М.: Художественная литература, 1982. 590 с.

8. Герасименко А.В. Оценка влияния социальных программ на динамику рождаемости в Украине // Демография и социальная экономика. 2010. № 1 (13). С. 55–65.

9. Днистрянский М.С. Политическая география Украины: учебное пособие. Львов: ЛНУ имени Ивана Франка, 2014. 348 с.

10. Закон України «Про засади державної мовної політики». – Відомості Верховної Ради (ВВР). 2013. № 23. ст. 218. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/5029-17> (дата обращения: 30.07.2018).

11. Клунко Н.С. Преимущества и недостатки сотрудничества МВФ и Украины: влияние траншей на внешний долг страны // Міжнародний науковий журнал Інтернаука. 2018. № 4 (44). С. 32–39.

12. Лапкин В.В., Пантин В.И. Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты // Полис. 2014. № 5. С. 68–89.

13. Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. № 4. С. 204–234.

14. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 4–900.

15. ОБСЕ. Специальная мониторинговая миссия ОБСЕ в Украине. URL: <https://www.osce.org/ru/special-monitoring-mission-to-ukraine> (дата обращения: 30.07.2018).

16. Пономарева Е.Г. Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан: сценарный подход // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 2. С. 99–124.

17. Пономарева Е.Г. Вывихнутый век. Кто его вправит? М.: Книжный мир, 2016. 352 с.

18. Пономарева Е.Г. Трансгресс глобализации, или «Игра с нулевой суммой» // Обозреватель. 2018. № 4. С. 5–21.

19. Рёдер Ф.Г. Откуда берутся нации-государства: институциональные перемены в эпоху национализма // Политическая наука. 2008. № 4. С. 105–108.

20. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 543 с.

21. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 3-х томах. Т. 3. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1979. С. 211–370.

22. Buchanan A. Justice, legitimacy and self-determination: Moral foundations for international law. N.Y.: Oxford univ. press, 2004. 520 p.

23. Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. Berkeley, CA: Univ. of California press, 1985. 697 p.

24. Horowitz D.L. Ethnic power sharing: Three big problems // Journal of democracy. Baltimore, MD, 2014. Vol. 25. № 2. P. 5–20.
25. Lijphart A. Patterns of democracy. New Haven, CT: Yale univ. press, 1999. 351 p.
26. Lijphart A. Thinking about democracy: Power sharing and majority rule in theory and practice. N.Y.: Routledge, 2007. 305 p.
27. Nettl J.P. The State as a Conceptual Variable // World Politics. Princeton, 1968. Vol. 20. № 4. P. 559–592.
28. State Statistics Service of Ukraine. Basic indicators on labor market (annual data). 2010–2017. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2007/rp/ean/ean_e/osp_rik_b_07_e.zip (дата обращения: 30.07.2018).
29. State Statistics Service of Ukraine. Direct investment (equity capital) from countries of the world to Ukraine economy / from Ukraine: by country; by EU country; by type of economic activity, by region (2010–2017) (annual trends). 2010–2017. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2017/zd/inv_zd/pi_ak_ks_reg/pi_ak_ks_reg_e.zip (дата обращения: 30.07.2018).
30. State Statistics Service of Ukraine. Dynamics of the geographical structure of foreign trade in goods. 1996–2017. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2005/zd/zd_rik/zd_e/gz_rik_e.xls (дата обращения: 12.07.2018).
31. State Statistics Service of Ukraine. Gross Regional Product. 2004–2016. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2008/vvp/vrp/vrp2015_e.zip (дата обращения: 12.07.2018).
32. State Statistics Service of Ukraine. Population. 1990–2017. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2007/ds/nas_rik/nas_u/nas_rik_u.zip (дата обращения: 30.06.2018).
33. State Statistics Service of Ukraine. R&D personnel and number of the organizations. 1990–2015. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2005/ni/ind_rik/XLS/Innov_2016_e.zip (дата обращения: 30.06.2018).
34. Transparency International. Индекс коррупции CPI. 2013–2017. URL: <https://ti-ukraine.org/cpi/> (дата обращения: 30.06.2018).
35. World Bank. Inflation, GDP Deflator (annual%). 1988–2017. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.DEFL.KD.ZG?locations=UA> (дата обращения: 30.06.2018).
36. World Bank. GDP (current US\$). 1987–2017. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=UA&view=chart> (дата обращения: 30.06.2018).
37. World Bank. GNIpercapita, Atlasmethod (currentUS\$). 1989–2016. URL: <https://data.worldbank.org/country/ukraine?view=chart> (дата обращения: 30.06.2018).
38. World Bank. Labor force, total. 1990–2017. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.TOTL.IN?locations=UA&view=chart> (дата обращения: 30.06.2018).

References

1. Akt progoloshennya Ukraïnskoï derzhavi // Samostijna Ukraïna. Stanislaviv. 10 lipnya 1941.

2. Buxarin N. E'konomika perexodnogo perioda // Buxarin N.I. Problemy teorii i praktiki socializma. M.: Politizdat, 1989. S. 94–176.
3. V2018rociProZorro.Prodazhiplanueprodatina2mlrd.aktiviv“Ukrzaliznici” i na 10 mlrd. – bankivs'kix aktiviv. 2018. URL: <http://www.me.gov.ua/News/Detail?lang=uk-UA&id=ba91ae61-0bbf-4254-acbb-e87d8d8a1e8f&title=V2018-RotsiProzorro-prodazhiPlanuProdatiNa2-MlrdAktivivukrzaliznitsiINa10-MlrdBankivskikhAktiviv> (data obrashheniya: 30.06.2018).
4. Vseukrainskaya perepis' naseleniya 2001 g. Raspredelenie naseleniya po nacional'nosti i rodnomu yazyku. 2001. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/nationality_popul1/ (data obrashheniya: 30.06.2018).
5. Gaman-Goluvina O.V., Ponomareva E.G., Shishelina L.N. Predsedatel'stvo Latvii v ES-2015: «Vostochnoe partnerstvo» vmesto ili vmeste s Rossiej // Analiticheskij doklad. M.: RAPN, 2014. 92 s.
6. Gaman-Goluvina O.V., Ponomareva E.G., Shishelina L.N. «Vostochnoe partnerstvo»: bor'ba scenarijev razvitiya // Polis. 2014. № 5. S. 20–40.
7. Gejne G. Sobr. soch. v 6 t. T. 4: Proza 30-x godov. M.: Xudozhestvennaya literatura, 1982. 590 s.
8. Gerasimenko A.V. Ocenka vliyaniya social'nyx programm na dinamiku rozhdaemosti v Ukraine // Demografiya i social'naya e'konomika. 2010. № 1 (13). S. 55–65.
9. Dnistrianskij M.S. Politicheskaya geografiya Ukrainy: uchebnoe posobie. L'vov: LNU imeni Ivana Franka, 2014. 348 s.
10. Zakon Ukraïni «Pro zasadi derzhavnoï movnoï politiki». – Vidomosti Verxovnoï Radi (VVR). 2013. № 23. st. 218. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/5029-17> (data obrashheniya: 30.07.2018).
11. Klunko N.S. Preimushhestva i nedostatki sotrudnichestva MVF i Ukrainy: vliyanie transhej na vneshnij dolg strany // Mizhnarodnij naukovij zhurnal Internauka. 2018. № 4 (44). S. 32–39.
12. Lapkin V.V., Pantin V.I. Krizis ukrainskoj gosudarstvennosti: politiko-pravovoj, cennostnyj i geoe'konomicheskij aspekty // Polis. 2014. № 5. S. 68–89.
13. Lipset S., Rokkan S. Struktury razmezhevanij, partijnye sistemy predpochteniya izbiratelej. Predvaritel'nye zamechaniya // Politicheskaya nauka. 2004. № 4. S. 204–234.
14. Marks K. Kapital // Marks K., E'ngel's F. Sochineniya. T. 23. M.: Gospolitizdat, 1960. S. 4–900.
15. OBSE. Special'naya monitoringovaya missiya OBSE v Ukraine. URL: <https://www.osce.org/ru/special-monitoring-mission-to-ukraine> (data obrashheniya: 30.07.2018).
16. Ponomareva E.G. Albanskij faktor destabilizacii Zapadnyx Balkan: scenarnyj podxod // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2018. № 2. S. 99–124.
17. Ponomareva E.G. Vyvixnutyj vek. Kto ego vpravit? M.: Knizhnyj mir, 2016. 352 s.
18. Ponomareva E.G. Transgress globalizacii, ili «Igra s nulevoj summoj» // Obozrevatel'. 2018. № 4. S. 5–21.
19. Ryoder F.G. Otkuda berutsya nacii-gosudarstva: institucional'nye peremeny v e'poxu nacionalizma // Politicheskaya nauka. 2008. № 4. S. 105–108.
20. Cymburskij V.L. Ostrov Rossiya. Geopoliticheskie i xronopoliticheskie

raboty. 1993–2006. M.: ROSSPE'N, 2007. 543 s.

21. E'ngel's F. Proisxozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva // Marks K., E'ngel's F. Izbrannye proizvedeniya v 3-x tomah. T. 3. M.: Izd-vo polit. lit-ry, 1979. S. 211–370.

22. Buchanan A. Justice, legitimacy and self-determination: Moral foundations for international law. N.Y.: Oxford univ. press, 2004. 520 p.

23. Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. Berkeley, CA: Univ. of California press, 1985. 697 p.

24. Horowitz D.L. Ethnic power sharing: Three big problems // Journal of democracy. Baltimore, MD, 2014. Vol. 25. № 2. P. 5–20.

25. Lijphart A. Patterns of democracy. New Haven, CT: Yale univ. press, 1999. 351 p.

26. Lijphart A. Thinking about democracy: Power sharing and majority rule in theory and practice. N.Y.: Routledge, 2007. 305 p.

27. Nettl J.P. The State as a Conceptual Variable // World Politics. Princeton, 1968. Vol. 20. № 4. P. 559–592.

28. State Statistics Service of Ukraine. Basic indicators on labor market (annual data). 2010–2017. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2007/rp/ean/ean_e/osp_rik_b_07_e.zip (data obrashheniya: 30.07.2018).

29. State Statistics Service of Ukraine. Direct investment (equity capital) from countries of the world to Ukraine economy / from Ukraine: by country; by EU country; by type of economic activity, by region (2010–2017) (annual trends). 2010–2017. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2017/zd/inv_zd/pi_ak_ks_reg/pi_ak_ks_reg_e.zip (data obrashheniya: 30.07.2018).

30. State Statistics Service of Ukraine. Dynamics of the geographical structure of foreign trade in goods. 1996–2017. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2005/zd/zd_rik/zd_e/g_s_rik_e.xls (data obrashheniya: 12.07.2018).

31. State Statistics Service of Ukraine. Gross Regional Product. 2004–2016. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2008/vvp/vrp/vrp2015_e.zip (data obrashheniya: 12.07.2018).

32. State Statistics Service of Ukraine. Population. 1990–2017. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2007/ds/nas_rik/nas_u/nas_rik_u.zip (data obrashheniya: 30.06.2018).

33. State Statistics Service of Ukraine. R&D personnel and number of the organizations. 1990–2015. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2005/ni/ind_rik/XLS/Innov_2016_e.zip (data obrashheniya: 30.06.2018).

34. Transparency International. Индекс коррупции CPI. 2013–2017. URL: <https://ti-ukraine.org/cpi/> (data obrashheniya: 30.06.2018).

35. World Bank. Inflation, GDP Deflator (annual%). 1988–2017. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.DEFL.KD.ZG?locations=UA> (data obrashheniya: 30.06.2018).

36. World Bank. GDP (current US\$). 1987–2017. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=UA&view=chart> (data obrashheniya: 30.06.2018).

37. World Bank. GNIpercapita, Atlasmethod (currentUS\$). 1989–2016. URL: <https://data.worldbank.org/country/ukraine?view=chart> (data obrashheniya: 30.06.2018).

38. World Bank. Labor force, total. 1990–2017. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.TOTL.IN?locations=UA&view=chart> (data obrashheniya: 30.06.2018).

UDC 321

DOI 10.17506/dipi.2018.32.3.5771

THE MODERN UKRAINE: THE EVALUATION OF STATE CAPABILITY (1991–2016)

Ponomareva Elena Georgievna,

MGIMO University,
Professor of Comparative Politics Department,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Russia, Moscow,
E-mail: politology@mgimo.ru

Zarytov Pavel Igorevich,

MGIMO University,
Post-graduate of Comparative Politics Department,
Master`s Degree in Political Science,
Russia, Moscow,
E-mail: zarytov.pavel@mail.ru

Annotation

State capability is the main feature of internal nature of a particular society that determines the position of the state in a world “ranking list”. State capability depends on a set of social, economic, demographic, ethnic, cultural and military factors as well as the government administrative machinery that are also considered to be the key indicators of state capability. This article deals with the analysis and evaluation of state capability of the modern Ukraine and focuses on the statistical (secondary) data. At the same time the interpretation of data is based on the traditional analysis of sources and documents. A particular attention is paid to the study of ethnic and political as well as ethnic and cultural cleavages; the interaction between the Ukrainian government and business; the institutionalization of formal and informal practices; the nature of Ukraine’s ruling class and its cooperation with external actors; and the prospects of national integration and conflict resolution.

Key concepts:

the modern Ukraine, state capability, the indicators of state capability, the Ukrainian crisis, ethnic and cultural groups, state-building.
